

БОГОСЛОВИЕ. ФИЛОСОФИЯ

Д. В. Пивоваров

Екатеринбург

О ЯЗЫКЕ РЕЛИГИИ

1. Религиозное мышление движимо страстным интересом к условиям связи с сакральным миром, поэтому оно оперирует не столько «объективными значениями», сколько «экзистенциальными смыслами». Знание Бога – это не эпистема Божественного самобытия (такой предмет вообще непостижим), а вера в благодать Божью, дарованную всем тварям. Верующие чаще говорят не об Абсолюте как таковом, а о Его витальной значимости для людей. В этом смысле язык религии можно назвать «храмом Абсолюта». Совместно с языком хозяйства язык религии образует лингвистический фундамент общественной жизни, придает личному бытию трансцендентный смысл, обуславливает стратегические ценностные ориентации индивидов.

Все составные части мира так или иначе соотношены с универсумом как целым. Человек, обычно сам того не зная, скорее всего наделен предельно тотальным смыслом своей жизни, поскольку является универсальным существом, микрокосмом и объективно-реально приобщен к безусловному целому. Однако осознавать подлинные смыслы своих жизней (то есть свою реальную причастность к предельным целостностям) способны немногие. Человек постепенно постигает самый глубокий смысл своей экзистенции через мысленный диалог с символами и именами Единого – при помощи оперирования знаками языка и медитации в «храме Абсолюта». В философии источник всех смыслов мыслится предельно абстрактно, антинормично, условно и эмоционально-нейтрально. Его могут обозначать по-разному – например, символами «Нуса» (Анаксагор), «Логоса» (Гераклит), «идеи Блага» (Платон), «Абсолютного Духа» (Гегель), «потока сознания» (Джемс), «космического сознания» (Ф. Бекк), «единого информационного поля» (М. Марков), «торсионного поля». Высказывания о безусловной реальности, предлагаемые классиками философии, ориентированы на элиту общества и недостаточно интересобъективны.

Язык религии есть материальная оболочка религиозного мышления, непосредственная действительность религиозной мысли в ее знаково-символических воплощениях – в формах устных и письменных сакральных текстов, а также речеоперативных действий с ними. Мыслить можно только те религиозные предметы, которые уже зафиксированы языком религии. Религиозные термины главным образом обозначают четыре группы ценностей: а) абсолютную ценность (Бог); б) ценности предельных целей (Царство Божие, бессмертие души, рай); в) земные средства достижения этих целей (религия, церковь, вера, культ); г) ценности повседневной жизни, сакрализованные религией. Мир как целое или любая его важная часть мысленно раздваивается в религиозном сознании на воспринимаемые предметы-знаки и сверхчувственные значения этих знаков. Вселенная и небеса предстают в сознании богослова универсальным сверткестом – Книгой, написанной Богом, о значениях которой следует справляться в Священном Писании.

2. Религиозные символы сопряжены с сакральными идеалами и организуют язык религии. Символы в теологии и философии – это такие предельные «вершины», с высот которых универсуум всякий раз по-новому обозревается и проблематизируется теоретическим разумом. Бытийное и когнитивное в них синкретически слиты. Символ «вообще» есть образ, раскрывающий скрытый смысл, а религиозный символ – это явление абсолютных тайн. Когда тот или иной обозначенный предмет наделяется особо ценным смыслом, то умственное оперирование знаком этого предмета начинает выходить за рамки привычного рационального мышления и становится уже мышлением символическим. Знаки могущества, величия и непостижимости несут на себе отпечатки сакральности, с ними ассоциируются образцы (идеалы), табу и страсти обладания.

Символ имеет пограничную природу, являясь сочетанием двух начал в одном (третьем). В противоположность аллегории смысл настоящего символа неотделим от его образной организации и отличается неисчерпаемой полисемией. Религиозный символ обладает свойством наглядности – в нем в формах вторичной чувственности представлена скрытая абсолютная реальность, а рациональное сплавлено с иррациональным и чувственным. Символическое религиозное мышление чаще парадоксально, т. е. является «конкретностью всеобщего», «феноменальностью эссенциального», «чувственностью мышления», «иррациональностью рационального» и т. п.

Его природа остро антиномична; всякий подлинный религиозный символ является своеобразной меткой острого диалектического противоречия, знаком тождества предельных противоположностей. «Логичность» символических диалектических сопоставлений кроется не в формальной логике, не в вербально-логическом осмыслении, но в языке искусства – стиле, который можно было бы назвать на фоне религиозного языка «эстетической логикой».

3. Идея бесконечного неразрывно связана с природой человека, поэтому для всего ограниченного наш ум ищет первоначала и первообразы в бесконечном. Именно символика бесконечного придает смысл всему конечному, через нее Абсолют получает свою акцидентальную видимость и кажимость. Религиозная символика ориентирована на ценности добра и зла, сакрализует творящие и разрушительные силы. Символ, связывая верующего с Божеством, опосредует отношение между абсолютным и относительным. Теоретическое объяснение пропорции абсолютного и относительного в символе зависит от характера символизации абсолютной реальности, а также от веры в Абсолют и в истинность признаваемой картины мира. Символизации подлежит не только творящая мощь Абсолюта, но и разрушительная сила хаоса, бездны, тьмы. Если о тайне подлинного добра говорят вечно, то и страдают от сознания усиливающейся зловредности хаоса тоже неопределенно долго.

Каждый отдельный символ, как маяк, по-своему ориентирует и направляет религиозный опыт, а единая система символов позволяет верующим преодолевать ощущение потока жизни как иррационального хаоса. Различия в смыслах схожих религиозных символов служат способами социальной и психологической идентификации. Вариативность интерпретации основных религиозных символов и их секулярных модусов является выражением внутренней семантической противоречивости всякой культуры. Графические символы религии способны объединяться в более сложный текст. Основные символы свободно трансформируются в пространственные объемные структуры, только усиливая тем самым фиксацию соединения двух миров в одном месте. Наиболее зрелищно выглядит переход от плоскостного к пространственному изображению в виде архитектурных сооружений. К трехмерности добавляется еще одно наиболее значимое выразительное средство – масштаб. Изменение размерности изображения в большую сторону подчеркивает величие, могущество потусторонних

сил. Существует и обратная тенденция сближать пропорции изображений и воплощений с пропорциями человека, что гармонизирует мировосприятие людей.

4. В религии Божество сакрализуется и эмоционально переживается, а в философии Абсолют исследуется предметно – как универсуум, проявляющийся в единстве всех его многообразных свойств и отношений. Различают символы первого, второго и третьего порядков. Религиозный символ третьего порядка наделен трансцендентным смыслом, нераздельно слитым с образом, но не тождественным ему. Такой символ не поддается рассудочной дешифровке и требует вживания в него. В философии и науке символизация основывается на отстраненной аналитической позиции внешнего сравнения и сопоставления. В мифе и религии символизируемое непосредственно включено в наше переживание. Религиозные символы служат важным условием генерирования такого рода экзистенциальных переживаний.

Посредством поэтапного вживания в символическую реальность появляется возможность метаэмпирического диалога с высшей реальностью. Глубокое вживание в символ помогает не только усваивать культуру других народов, но также понимать собственную индивидуальность, расширять границы Я. Вживание в религиозные символы другой культуры постепенно углубляется до познания ее «сакрального ядра». В каждой религии есть свои отличительные графические символы, наглядно воплощающие ее главные идеи, принципы, доктрины и догматы. Осваивая такие символы, мы приближаемся к пониманию основного конфессионального содержания интересующей нас религии. Вместе с тем в любом символе ощущается нечто недоступное однозначному рациональному истолкованию, и поэтому невозможно исчерпывающе объяснить ни один священный символ.

5. Существуют два сорта религиозных высказываний – о трансцендентных событиях («Вначале Бог создал небо и землю») и о фактах («Земля была безвидна и пустынна»). Первые не подлежат научным оценкам, а вторые вполне проверяемы научными критериями. В свою очередь, метафорические религиозные высказывания о невыразимом и непостижимом служат для теоретической науки зародышами идей о предельных посясторонних сущностях и законах земного мира. Отношение к объекту религиозной веры выражают как обыденным языком, так и языком теологии, фи-

лософии или науки. Религиозный язык годится и для рассказа о Боге («Книга Откровения»), и для повести о свойствах сотворенного мира («Книга Природы»). Между этими двумя классами религиозных высказываний возможны субъективные противоречия, связанные, во-первых, с метафоричностью Откровения и, во-вторых, с недостаточностью обыденного и научного знания о природе.

В языке религии различают веровательные констативы, имеющие когнитивный характер, и некогнитивные высказывания, к числу которых относятся религиозные перформативы. Последние не описывают нечто существующее и не являются истинными или ложными, а заключают в себе творческое намерение создать что-нибудь, выражают просьбу, эмоцию или волю. Они могут иметь магические формы молитвы, клятвы, проклятья, присяги, заговора, славословия. Таким образом, язык религии не только информирует о предполагаемых связях человека с абсолютной реальностью, но также насыщен творческим, эмоциональным и волевым потенциалом верующих.

6. Конфессиональные языки относятся к числу авторизованных полусинтетических наречий. У их истоков стоят великие пророки. Пророческий новояз преображает обыденные значения этнического языка, удаляется от обиходной речи, наделяется атрибутикой совершенства и вечности. Большинство рядовых верующих воспринимают языки Писаний и литургии как средоточия бесконечной тайны и святости и относятся к ним с глубочайшим пиететом. Чем менее богослужебный язык способствует рассудочному пониманию, тем более он отвечает литургическим целям. Малопонятная богослужебная речь священника парадоксальным образом помогает рядовому верующему отстраняться от «мира сего» и настраиваться на духовный лад. Язык религии крайне полисемичен, избыточен, неточен, полон аналогий и метафор. Поэтому религиозное мышление есть «темная мудрость»: а) с одной стороны, оно судит о вещах бесконечных и трансцендентных, таит в себе бездну смыслов, невыразимую глубину и мудрость; б) с другой стороны, религиозная мысль по сути неопределенна, а кредо и принципы разных конфессий плохо соизмеримы между собой.

Религиозное высказывание как акт говорящего становится речевой моделью предмета его высказывания, выражая религиозный предмет в той или иной форме, приписывая ему те или иные предикаты, индивидуализируя и классифицируя его. До акта высказывания язык религии есть только

возможность религиозного языка. Присваивая формальный аппарат естественного языка, религиозное высказывание порождает индексальные знаки («Я», «это», «здесь», «завтра»), противопоставляет говорящего другому лицу, порождает вопросы, приказы, призывы и т. п., содержит в себе (через перечисление и описание свойств объекта) способ указания на объект веры.

7. С позиции современного операционализма генезис религиозных понятий можно объяснять через принцип интериоризации священнодействий. Интегральное значение религиозного понятия составлено какой-либо пропорцией предметного, операционального и субъективно-оценочного компонентов. Носителем информации от объект-языка к субъект-языку служат веровательные высказывания (например, по схеме: «Священное Писание – конфессиональная речь – индивидуальная веровательная интерпретация»). Так, религиозно-нравственные высказывания – это актуализация моральных заповедей как оперативных символов. Объект-язык религии и интерпретирующие его индивидуальные субъект-языки могут в чем-то совпадать и не совпадать друг с другом.

Степень адекватности религиозного речевого образа конфессиональному объект-языку имеет широкую шкалу приближений (в этом суть проблемы понимания религиозных текстов и идей), она зависит от личного опыта верующего по освоению сакральной знаковой реальности, а тем самым в конечном счете – от специфики погружения в культовую практику. По завершении интериоризации религиозной речи сумма восприятий священных знаков трансформируется в сознании верующего в умозрительные картины небесных сил и чудотворения. Религиозные мысли не существуют сами по себе, не аккумулируются в душе верующего, подобно вещам в кладовой, но всякий раз заново возбуждаются через проговаривание сакральных текстов – про себя либо через громкую речь. Источником образов «несуществующих объектов» иногда служат именно речевые процедуры со словами объект-языка.

8. Конфессиональная литература складывается постепенно. Вначале записывается устно проповедуемое учение. Потом признается канон, который противопоставляется неканоническим произведениям (например, апокрифам). Затем канон дополняется высокоавторитетными и священными письменными текстами и комментариями – Священным Преданием. Впоследствии складывается теология, формулируются символ веры, пра-

новые нормы и катехизис, создаются богослужебные книги и сборники молитв, а также книги конфессионально-светского характера. Авторитет всех Писаний защищается специальными средствами сакрализации.

Благодаря священным традициям и развиваемой системе сакрализации общество добивается воспроизводства определенной религии во всех своих горизонтах (социальные группы, классы) и вертикалях (поколения). Сакральное чувство целно, и яд сомнения для него смертельно опасен. Для верующего внутри своего культурного пространства особо ценно все то, что связано с религиозными практиками; в целях самосохранения общины каждый ее член обязан следить за правильным культивированием сакральных смыслов символов другими членами группы. К чужим же, иноверным, культурным пространствам верующий вольно или невольно может относиться как к преходящему, релятивному или даже ложному. Ныне все больше ценятся не слова и буквы Писаний, а общие смыслы Откровений.

9. Центральным вопросом лингвофилософии религии о соотношении духа и языка решается по-разному. Одни авторы дедуцируют язык из Абсолютного Духа, а другие, наоборот, усматривают в языке тот орган, который образует мысль. Павликианская трехмерная модель человека позволяет более диалектично решать эту проблему. Пусть религиозный символ включает в себя три измерения: а) плоть; б) смысл (мыслесобраз значения); в) дух, привходящий в плоть и душу знака (трансцендентное значение). Преувеличение роли плотской функции языка религии и его грамматики ведет к вере в первичность этнограмматических форм по отношению к мышлению индивида. Теоретический акцент на «дух» влечет за собой признание первичности духовного принципа и тезис о том, что мысль творит свою материальную оболочку.

10. Иудеохристиане объявляют общечеловеческий праязык божественным по происхождению: в начале было творящее Слово Божье, затем Адам присвоил истинные имена всем творениям. С тех пор живет вера в слитность слова и предмета; в слове – его морфемах, звучании, написании, смысле и значении – до сих пор ищут разгадку всех тайных сущностей мира и человека. Узнать настоящее имя предмета – значит овладеть сутью предмета. Богословы-имяславцы держатся мнения, будто первозаданные имена вобрали в себя генетическую звуко-информационную структуру (геном, прообраз) сотворенных объектов, то есть исконные име-

на вещей были адекватны форме самих вещей. В Библии написано, что Бог изъясл (из-за Вавилонского столпотворения) единый праязык, а взамен дал людям великое множество эрзац-языков, лишенных истинных значений. Прогнозируется, что в наступившем тысячелетии произойдет лингво-компьютерный синтез: в дополнение к многоязычию будет сконструирован вспомогательный общечеловеческий язык. Каким быть этому языку – решать комиссии экспертов и всем народам.

В. М. Князев

Екатеринбург

БОГАТСТВО ФИЛОСОФСКОГО РАЗУМА ИЛИ «НИЩЕТА» ХРИСТИАНСКОГО ДУХА

Философский идеализм измыслил фантазм материи, чтобы получить алиби в отношении своего произвола, творимого им с даром жизни. Он вытеснил страх перед воздаянием за поругание жизни в образ тупой, слепой материи, над которой может свободно парить в своем произволе. Сатана ничего не может совершить против Бога, но он может оценить отрицательно, уничижительно согворенное бытие, назвав его косной материей.

Христианскому сознанию тоже не чужд идеализм. Но это идеализм самого бытия, идеал реализм, конкретный идеализм (не в смысле панлогизма, спекулятивного разума Гегеля), а в смысле конкретного всеединства. Этот идеализм вырастает в своих творческих интуициях из Истины Откровения, из Слова Божьего и в своем вдохновенном полете устремляется к Божьему бытию, из которого льется свет «невечерний» – свет христианского просвещения человек.

Вопрос о спасении человека, а следовательно, и вопрос о сопричастности Божественному бытию, ибо без спасительной благодати тщетны усилия человека – это основной вопрос духовно прозревшего человека. Посмотрим, как он может быть решен средствами философского и религиозного сознания.

Бог есть непроявленная и совершенно непознаваемая нами реальность. Бог как познаваемая реальность свидетельствует о Себе фактом непознания – не светом знания, а темой неведения. Бог как представление разума есть пустота представления, есть отрицательный результат всех наших усилий по достижению его реальности. Мы кричим – Он молчит, мы